

селившимися изъ него жителями; онъ несомнѣнно имѣлъ свое имя и до этого факта, который тоже не заключалъ въ себѣ поводовъ къ переименованію даннаго пункта. Названіе Старгорода можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ: такъ или иначе имевавшійся городъ, разростаясь, приобрѣтала новыя части, причемъ наиболѣе древняя естественно получила отъ жителей болѣе новыхъ прозвище стараго города, ср. Staré Město въ Прагѣ, а впослѣдствіи это названіе было усвоено всему городу.

Очень можетъ быть, что представленныя мною дилетантскія соображенія въ пользу мысли Каченовскаго будутъ къѣмъ либо опровергнуты, но этимъ будетъ доказано только то, что я не сумѣлъ найти вѣскихъ доводовъ въ пользу мысли, имѣющей всѣ права на вниманіе изслѣдователей. Доказательствъ ея неправильности никѣмъ до сихъ поръ не представлено, и дѣло все еще остается въ томъ же положеніи, что около полувѣка тому назадъ, когда А. А. Котляревскій закончилъ (op. cit., pag. 471) свою „Книгу о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ“ слѣдующими справедливыми замѣчаніями о гипотезахъ балтійско-славянскаго происхожденія новгородскихъ словѣнъ и варяговъ: „Суждено ли этимъ догадкамъ остаться только вѣроятными догадками, откроется ли новый матеріалъ, который устранитъ ихъ или подтвердитъ ихъ истину, оставаясь въ предѣлахъ исполнимаго — мнѣ кажется, что вопросъ значительно подвинулся бы впередъ, если бы: во первыхъ — былъ сличенъ мѣстный именованіе (по грамотамъ) съ новгородскимъ, во вторыхъ — если бы были разобраны особенности языка поморскихъ славянъ, насколько онѣ видны изъ латинскихъ грамотъ, сравнительно съ особенностями древняго новгородскаго нарѣчія“.

Н. Петровскій.